

ИСЛАМ И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.512.141

Г. М. Набиуллина

Исламские ценности в повести “Долгое-долгое детство” Мустая Карима

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы; gulnurnabiullina@mail.ru*

Целью представленной статьи является выявление исламских ценностей в повести «Долгое-долгое детство» народного поэта Мустая Карима. Особое внимание уделяется анализу духовно-религиозной культуры героев, роли ислама в жизни башкир. Автор приходит к выводу, что исламские и общечеловеческие ценности легли в основу произведения.

Ключевые слова: *мать, духовность, мудрость, Аллах, намаз, ценности ислама.*

The purpose of the presented article of the Islamic values in the story of the national poet Mustay Karim «Long-long childhood». The special attention is given to the analysis of spiritually-religious culture of the character, The Islamic role in the life of the Bashkirs. The author comes to the conclusion that Islamic and universal values have laid down the basis of the story.

Keywords: *mother, spirituality, wisdom, the Allah, namaz, values of Islam.*

Народный поэт Башкортостана Мустай Карим (1919–2005) «стал культурным символом, патриархом духовности, эпохой в литературе Башкортостана», его творчество – «духовным достоянием и национальной гордостью республики» [1, с. 308].

«Среди произведений, созданных в 70-е годы XX века, особняком стоит повесть М. Карима «Долгое-долгое детство» [2, с. 55], – пишет известный ученый-литературовед Г. Н. Гареева.

Действительно, повесть привлекла внимание читателей, была высоко оценена литературной общественностью и с тех пор продолжает вызывать несомненный интерес своими художественными достоинствами. Она переведена на русский, болгарский, казахский, узбекский, татарский, украинский, венгерский, литовский, латышский, словацкий языки.

Лирико-философское содержание повести «Долгое-долгое детство» (1972–78) (башкирскому читателю она известна под названием «Оон-оак бала сак») в той или иной степени выявлено в трудах Г. Б. Хусаинова, С. Т. Кусимовой, В. Ш. Псянчина, И. И. Валеева, Д. Т. Хренкова, Л. Н. Ломуновой, Г. Н. Гареевой, в статьях А. Хакимова, Т. Кильмухаметова, Р. Баимова, З. Шариповой, В. Панина, Ю. Селезнёва, П. Уляшова и многих других. Нам кажется, данное произведение достойно внимания и с точки зрения исламских ценностей. Не-

смотря на множество исследований по этой повести, данный вопрос остается открытым. Лишь И. Валеев в своём труде «Мустай Карим о религии» попытался определить отношение писателя к религии. Ученый подчеркивает, что «отношение поэта к религии нельзя назвать позитивным» [1, с. 5], и в то же время, противореча сам себе, приводит следующее высказывание М. Карима, в котором на вопрос об отношении к религии, писатель ответил: «В детстве Старшая Мать по своему дала религиозное воспитание... Я не воинствующий атеист, вместе с тем не считаю себя религиозным человеком: взгляды на мир у меня на основе материализма» [1, с. 5].

Действительно, в повести «Долгое-долгое детство» подробно описывается, как герой в семье начал впитывать основные ценности ислама, особенно от Старшей Матери, впоследствии на их основе происходит его дальнейший духовный рост и формирование в этой среде. Поэтому анализ с точки зрения исламских ценностей в данном случае никак не сужает смысл произведения, наоборот, даёт возможность шире выявить духовно-нравственный мир героев. Особого внимания заслуживает в этом плане высказывание академика Г.Б. Хусаинова о том, что игнорирующий религию сам себя обрекает на духовную нищету и культурно-нравственное ограничение» [10, с. 442].

Важно отметить то, что в повести не содержатся прямые отсылки к Корану (повествуется лишь о чтении муллой Фахретдином первого аята суры «Йа син»). Частое использование таких понятий, характерных мусульманскому вероисповеданию, как мечеть, минарет, полумесяц, азан, намаз, чтение намаза, молитва, Курбан-байрам, Мекка, мулла, муэдзин, хаджи, хазрет, иман, пророк Ибрагим, мусульманская одежда, джаназы, «Йа син», джанна, ажал, такъдир, иншалла, ярабби, иблис, тамук, шайтан, свидетельствует о близком знакомстве автора с исламом, традициями и обычаями мусульман. Все это проливает значительный свет на причины задержки издания повести в советское время, и даёт нам основание исследовать повесть «Долгое-долгое детство» с данной точки зрения.

Здесь уместно будет обратить внимание на историю распространения ислама среди башкир. Как пишет известный этнолог С.И. Руденко: «Ислам начал проникать к башкирам, по всей вероятности, в X–XI веках, когда арабские купцы и миссионеры, часто посещавшие Великую Булгарию, заходили в страну башкир» [8, с. 265]. По утверждению одного из путешественников Средневековья, венгерского доминиканского монаха Юлиана, «башкирские ханы уже в начале XIII в. были фанатично преданы исламу. В XIV веке ислам становится государственной религией Золотой Орды, в состав которой входил и Башкортостан. Покорение Казани Московским государством в 1552 г. и начало христианизации татар вызвали отток значительной части мусульман из Поволжья в Приуралье, что привело к увеличению их числа и укреплению позиций ислама в крае. В XVII–XVIII веках шариат

становится важным регулирующим фактором семейно-брачных и межличностных отношений мусульман» [12, с. 307]. С этих пор усилилось влияние ислама на мировоззрение башкирского народа.

Можно добавить то, что в XVII веке против массового крещения мусульмане Башкортостана подняли восстание, и до сегодняшнего дня среди башкир крещенных не наблюдалось.

В произведении «Долгое-долгое детство» рассматривается отношение деревенских жителей к исламу: первые годы советской власти они не расстаются с религией, в начале повести участвующий в событиях 1927 года главный герой, восьмилетний мальчик, как все его сверстники, смотрит на мир через призму ислама. Как известно из истории, в 1926–1927 годах в Уфе проходит съезд мусульман России и республики, лишь в середине 30-х годов начинается борьба Советов против религии. Исламская религия, которая имела многовековые корни на башкирской земле, не хотела отступать легко, так как в ней народ нашёл источник духовной силы.

В произведении повествователь, часто упоминая слово мечеть, даёт понять, что в 20-х годах в башкирской деревне и в Уфе функционировали мечети. Например, «...Черный Юмагул принялся за свое лыко. Аркан, если растянуть, наверное, теперь до полумесяца на **мечети** достанет» [4, с. 12], или: «...Люди уже на Нижний конец улицы в **мечеть** на гает-молитву потянулись. Остановятся, восхвалят аллаха и дальше идут. Мой отец тоже вышел со двора, присоединился к ним. В день Курбан-байрама утренний чай после гаета пьют» [4, с. 22]. Через диалог ребят определяется их отношения к мечети: «**Мечеть** – дом господень, ты его с прочими строениями не равняй!» [4, с. 26]. В то же время подчёркивается, что и в городе имеются мечети: «Куда ни глянь, заводские трубы торчат, минареты мечетей, купола церквей блестят. **Мечеть** от церкви мы отличать умеем» [4, с. 81]. Или: «Там каменная **мечеть** с двумя минаретами есть, так печи в ней топят нашего кусюмского свата близкий сват, – похвастал Валетдин». Ребята, «порядком поколесив по городу», выходят «к каменной **мечети** с двумя минаретами» [4, с. 86]. Когда возвращается Марагим из города в родную деревню с гармошкой, дети восторгаются: «Город – он город и есть. И **мечети**, и церкви, и дома, и даже гармони у него – большие» [4, с. 200]. И школа была расположена «по другую сторону оврага, в Нижнем конце улицы **Мечети**» [4, с. 101], и Сайрановский зять оказался «в **мечети** служака» [4, с. 129].

Страхи и секреты Пупка были связаны с понятием «мечеть». Например, «Я крепко зажмурился, и перед моими глазами прошли ворота нашего кладбища, месяц на **мечети**, только что вырытая могила» [4, с. 17], или «К третьему дню все терпенье вышло. Хоть на минарет **мечети** лезь и оттуда вместо азана кричи» [4, с. 175].

Как видно из культурно-исторической атмосферы произведения М. Карима, ценности исламской религии играют большую роль в ду-

ховной жизни башкирского народа. Отец героя женился на 24 летней девушке – Минлеямал, когда ему было 17 лет, потом родились дети. Жили в мире и согласии, но между ними не было любви. Когда отцу исполнился 49 лет, он влюбился в 30-летнюю вдову и с согласия старшей жены создал семью. Их знакомство произошло не где-нибудь, а на празднике "Помочь" в жатву у Ильяс – муэдзина. И со второго брака рождаются дети, первый из них Мустафа-Пупок – герой повести «Долгое-долгое детство», прототип Мустая Карима. У отца героя были две жены, дети называли их Старшая Мать и Младшая Мать, так как среди родных присутствовал адаб (достойное поведение). Автор в их образах воплотил наиболее характерные черты башкирской мусульманской семьи.

И. Валеев, отмечая отношение М. Карима к религии, приводит несколько отрывков из произведения народного поэта. В их числе – эпизоды, связанные с мусафир-муллою и Фахретдин - хазратом. «И вот недавно этот семидесяти ремеслам искусный мастер ударился в любительщину – духовный сан на себя принял. Никто его не выбирал, никто не назначал. По своей воле взвалил он на себя **тяжкое бремя** (выделенонами. – Г.Н.) быть в ответе за совесть, веру, грехи и благонаравие множества людей. Мужество и решимость, с какими он вступил на новое поприще, были основаны на одном – полном его невежестве в религиозных вопросах. Знал когда-то в детстве два-три обрывка молитв, да и те, пожив среди русских, позабыл» [4, с. 276–277].

В данном случае М. Карим, как и все поэты-просветители, не ставит цель: игнорировать религию или же показать своё отношение к религии и ко всем религиозным деятелям. Он высмеивает людей, которые, не зная и не понимая основ ислама, каноны Корана, мусульманской культуры и истории, становятся религиозными деятелями. Ответ героя Старшей Матери, что он не хочет стать муллою, можно объяснить не только упадком авторитета религиозных деятелей после революции, но ещё и тем, что повествователь считал ношение духовного сана большой ответственностью.

Утверждение, что народный поэт видел только негативные стороны религии и в деятельности религиозных деятелей, будет не совсем верным, так как он всю свою жизнь стремился отображать лишь светлые стороны мира, будучи художником, поэтом-философом, М. Карим рассматривал жизненные явления в их созидании. В башкирской литературе образ самого народного поэта отождествляется с духовным творцом.

Как пишет М. А. Маматов, «к духовным творцам исторически относятся поэты и писатели, в творениях которых проявляются не только уровень их профессионализма, но и элементы духовной избранности – честность, справедливость, благородство, высокая нравственность» [7, с. 29].

Как нам известно из истории литературы, «большинство башкирских писателей были религиозными деятелями. Гибатулла Салихов (1794–1867) – Гибатулла ишан – знаменитый ишан, Абельманих Каргалы (1784–1824) – известный шейх хаджи, Шамсетдин Заки (1825–1865) – суфий, Ризаитдин бин Фахретдин (1859–1936) – Риза казий и муфти. Среди них есть и ахуны, имамы, мударисы» [10, с. 439].

В другом случае Исабек не совсем хорошо обходится с муллою, все это не укладывается в голове маленького Пупка. «Однако то, что Исабек со служителем веры так круто обошелся, встревожило меня. А вдруг проклянет? И кара с Исабеком заодно и на меня падет? Мы долго сидели молча.

– А благочинного обругать – не грех разве? – спросил я робко.

Сансак вертел в руках медный кумган.

– Ладно, с худого борова хоть щетинки щепоть, чистая медь, на что-нибудь сгодится.

Я опять свое:

– А если проклянет, что делать будем? Он же возле бога ходит» [4, с. 141].

На протяжении всей повести главный герой философствует о священных верованиях, об адабе человеческого поведения. Мальчик понимает, что Исабек не стоит на верном пути, его муамалят (отношение) священнослужителю не соответствует правилам поведения мусульманина. В этом случае и мусафир -мулла(бродячий мулла, без прихода) не оправдывает своего сана и доброго имени. В результате анализа данного эпизода можно сделать вывод, что М. Карим придавал большое значение адабам взаимоотношения людей. Используемые писателем идейные основы глубоко традиционны, в то же время близки и дороги современному человеку.

Как пишет Кафаров, религия – «универсальная «наука жизни», «неотъемлемый компонент повседневного социального бытия». «Стержнем религии является её нравственная составляющая, поскольку религия не только идеология, мировоззрение, но и поведенческие установки, ценностные ориентации, образ жизни верующих» [5, с. 65].

Писатель не исключает тех, которые именем религии совершают свои бесчеловечные, аморальные поступки. «Иногда правильно оценить творческую деятельность талантливых писателей и трудно, и легко» [11, с. 241], – подчеркивает доктор филологических наук З. Шарипова. Действительно нелегко, потому что народному поэту посвящены десятки монографических трудов, в то же время творчество его остается до конца ещё не раскрытым.

На наш взгляд, в данном случае М. Карим не ставит цель показать мусафир-муллу с худшей стороны, а пытается донести до читателя понимание маленьким героем Пупком всемогущей силы Аллаха. Духовно-нравственные ценности, которые сопровождали поэта до по-

следних дней своей жизни, были заложены ещё в детстве, что наглядно прослеживается в рассматриваемом произведении.

В повести акцент делается на то, что значение семейного очага, любовь в семье, будущее детей, уважение к родителям, дружба, доброжелательность к соседям, получение образования, трудолюбие, сочувствие, доброта, справедливость, чистоплотность, щедрость, смирение, адаб приема пищи закладываются в детях с малых лет. Например, «Перестань, Шагидулла, хлебом не играй, уронишь крошку – грех на тебя падет, – сказал Асхат. Греха мы все до смерти боимся» [4, с. 77].

Деревенские жители понимают, что за содеянные поступки они в ответе перед страной и перед Аллахом. «Земле позор, роду позор, вере позор! Всех осрамил, подлая душа» [4, с. 108]. «Людей не стыдитесь – бога побойтесь, ямагат. Не губите Самигулли. На весь аул невзгоды обрушатся. Ударит гнев божий» [4, с. 110–111].

Через эпизоды, разоблачающие поступки Искандера, отца друга Асхата, который всю жизнь, не выходя из мечети, читал намаз, а к своим детям проявлял бесчеловечность, читатель понимает, что Пупок с детства рос понимающим суть добра и зла, жестокости и милосердия, все это сформировало его мировоззрение. Несмотря на свой юный возраст, частенько он выступает в роли барометра, измеряющего милосердие людей намного старше его. Например, когда в лавке он встречается с Маулетбай-Индюком и Сафуан-Петухом, то быстро определяет: «У этих двоих с иманом негусто» [4, с. 124].

В повести «Долгое-долгое детство» уделяется много внимания таким явлениям, как прочтение молитвы и обращение к Аллаху: «Посыльный, коль он в гости пришел звать, степенно проходит в передний угол, садится на стул. Не спеша, размеренно прочитывает с хозяином молитву» [4, с. 9], «Аллах акбар! – он прямо на коленях прочитывает благодарственную молитву» [4, с. 15]; Старшая Мать «про себя читает молитву» [4, с. 3]; так же и Ишмурза в городе, и Круглый Талип, то есть все персонажи, которые проявляют к людям милосердие, перед началом и после окончания работы всегда читают молитву.

Обращается к Богу также прекрасное создание Ак-Йондоз. Не только взрослые, но даже дети обращаются к Аллаху. «О создатель, – говорю я, – сила твоя и милосердие твое безмерны и безграничны»... Господь Бог свое держит. «Но, как я уже сказал, средство это у меня крайнее. Ведь нужно всякий стыд потерять, чтобы бога по пустякам тормошить» [4, с. 18]. Кляшевские мусульмане понимают, что без воли Всевышнего Аллаха ничего не происходит и убеждены в его всемогуществе.

В произведении М. Карима исламские ценности отождествляются с образом Старшей Матери. Не случайно этот образ занимает в повести особое место. «Посередине – то солнечной, то ненастной, то цветами покрытой, то метелью повитой – поляны... жизни» повествователя стоит его Старшая Мать – «повитуха и величайший нравственный ав-

торитет аула, женщина редкостного житейского такта... Не оскудевает и ее доброта, распространяющаяся далеко за пределы собственной, живущей еще по законам шариата семьи. Она всегда готова прийти на помощь соседям делом или своевременной, ненавязчивой подсказкой» [9].

Роль Старшей Матери не ограничилась домом, семьей и домашним хозяйством, она помогала появиться на свет маленьким людям и оказала решающее влияние на формирование всех детей, которых сама приняла, в том числе на сына второй жены своего мужа. Старшая Мать, воплотившая в себе прекрасные черты башкирской женщины-мусульманки, выявляя душевное состояние своих окружающих, оберегала их от осуждений, от бед, оказывая им милосердие.

Когда однажды ночью герой искал пропавшего бычка на Девичьей горе, для себя подтвердил слухи о любви Марагима и Ак-Йондоз, увидев влюбленных вместе, хотя у каждого из них были свои семьи. Пупок открыл свою тайну Старшей Матери, что слухи «про Марагима и Ак-Йондоз правдой оказались» [4, с. 175], она ответила:

– Тьфу, тьфу, тьфу, дитяtko! Показалось тебе. В темную ночь всякие страсти человеку видятся. Очень уж темная была ночь... Порой человек больше нужного видит, больше положенного слышит. Полно, сынок, попусту головы себе не забивай... Чему люди не поверят, того людям не рассказывай, – сказала она напоследок. – Сплетником прослынешь – позору не оберешься.

Позора мы всем домом боимся. "Пусть лучше конь под тобой падет, чем слово твое ложью окажется", – говорит мой отец» [4, с. 176].

В данном случае Старшая Мать не осуждает Марагим-батыра и Ак-Йондоз, и другим этого не позволяет, наоборот, оберегает их возвышенную и чистую любовь.

Односельчане глубоко уважают её за человеческие качества, за глубокие духовные познания в области не только психологии, но и исламской религии. Она олицетворяла преданность и разум, была духовной, моральной поддержкой мусульманской деревни, так как жила в согласии с иманом.

Из повести видно, Старшая Мать следует элементам веры, которые известны муьминам. «Только тот, кто искренне приемлет все три составных элемента веры, будет в числе избранных. Иначе говоря, суждение о том, что вера без дел греховна, и лишь единство веры и добродетели представляет нравственную ценность, является одним из важнейших принципов исламской нравственной доктрины» [5, с. 67–68].

Народный поэт назвал свою Старшую Мать, следовавшую нормам ислама, ведущую нравственно чистую жизнь, «милосердной Афродитой улицы Серсе» [4, с. 171].

«Обозначенная «милосердной Афродитой улицы Серсе» – личность Старшей Матери является основой философии М. Карима», – пишет З. Шарипова [11, с. 249].

Образ Старшей Матери порождает поэтическое представление о благородной башкирской женщине-мусульманке, она отличается от других персонажей своими добрыми деяниями. В ней воплотились такие качества, как жизненная сила и трепетное отношение к окружающим её людям. Но при всей своей поэтичности она наделена и наиболее земными чертами: мужественностью, энергией, темпераментом.

Посвящение целой главы одному из больших праздников в исламской религии – Курбан-байраму – это намек на то, что данный праздник – важное событие в жизни келяшевских мусульман. Хотя праздник заканчивается для Пупка не так, как хотелось (они дерутся с мальчиком по имени Хамитьян до крови), Хамитьяна, который избил Пупка, до последних дней своей жизни мучают угрызения совести. М. Карим акцентирует внимание на психологическом состоянии своего героя – Пупка: в какой бы трудной ситуации он не оказался, все же просит Старшую Мать отнести Асхату милостыню.

«Согласно мусульманской традиции, вера (иман) состоит из трех элементов: внутреннее восприятие (тасдик), исповедание словом (икрар), совершение добрых дел (амаль). Вера должна соединиться с добродетелью (ихсан), из чего складывается религия (дин) в широком смысле слова» [5, с. 67].

Как известно, существует пять столпов ислама, которых должны придерживаться мусульмане. В повести читатель видит, как выполняется четыре столпа, а о пятом лишь упоминается. На это есть свои причины. Известный ученый Ф.Т. Кузбеков подчеркнул, что «такие явления, как газават, массовый хадж, неизвестны башкирам» [6, с. 28]. Эту же мысль высказывает и И.Р. Насыров: «Башкиры – люди, свободные от религиозного фанатизма. Знаменитые представители башкирского народа (Салават Юлаев, Ахмет Заки Валиди и др.), никогда не превращали религию в средство раздора, противостояния друг другу. А.З. Валиди считал исламскую религию духовной религией, к которой можно обратиться в трудные минуты жизни» [3].

Для героев повести М. Карима ислам является духовной опорой. Писатель в одном своём интервью сказал, что он описывает в ней то, что его тревожило в детстве и юности.

Как отметил академик Г. Хусаинов: «Религия и литература стоят очень близко. В познании и объяснении мира они сильно опираются на гипотезы, дидактику... Они проникают не только в ум, но и в душу человека» [10, с. 439]. М. Карим отображает проникновение религии в ум и в душу героя через множество явлений. «В это свежее утро боя они сошлись в моей душе – крик первый и крик прощальный. Теперь мне суждено нести их до самых пасмурных и грустных своих дней, потому что я тогда понял, почему у реки – два берега. Потому что как

два берега держат течение вод, так и между двух берегов течет сама Замана – Время: один берег – небытие, другой – вечность» [4, с. 7].

После того как Старшая Мать собрала детей, которых сама на свет приняла, и из «Упокойного сундучка» раздала им подарки, произнесла своё завещание: «Будьте добры друг к другу – и сами с добром будьте» [4, с. 250], призывая быть всех милосердными, жить в гармонии с самим собой.

«По давней традиции каждая башкирка перед смертью должна подарить что-нибудь своим родным и знакомым... Этот обычай, вероятно, имеет древние корни, когда человек беспокоился, как бы жизненные долги не помешали ему попасть в рай» [9].

Как и в аятах Священного Корана, автор подчеркивает важность исполнения долга перед родителями, особенно перед матерью, доброго и благодарного отношения к ним. В хадисах говорится, что рай находится под ногами наших матерей.

Писатель всю жизнь оставался верным завещанию своей Старшей Матери: был добр к людям, в своих произведениях отображал лишь светлые стороны жизни, защищал и поддерживал величие духа, благочестия и благонравия. «И во всех своих произведениях автор всегда выступает убежденным, страстным "адвокатом" гуманности, добра, бережности по отношению к людям, миру, жизни во всей ее трепетной неповторимости» [9].

Через душевное состояние образов повести «Долгое-долгое детство», особенно главного героя Мустафы по кличке Пупок (Старшая Мать была повивальной бабкой, повитухой, а он все время за ней ходил, поэтому ребята называли его Пупок), познавших исламские ценности, раскрывается мировоззрение башкирского народа. Хотя поэт фанатично религиозным человеком не был, но в его произведениях, в т. ч. и в повести «Долгое-долгое детство», общечеловеческие и исламские ценности переплетены как единое целое и воспринимаются как народная философия, там нет подражания религиозным книгам, отсутствует дидактика. Прошло много времени, а произведения народного поэта Башкортостана Мустая Карима остаются самыми читаемыми книгами.

Литература

1. *Валеев И.И.* Мустай Карим о религии. – М.: Наука, 2009.
2. *Гареева Г.Н.* Психологизм в башкирской прозе 1960–1980-х годов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.
3. *Имангулов Р.* Сәйәсәткә бәйләмәйек // Киске Өфө. – 2011. – № 9.
4. *Карим М.С.* Долгое-долгое детство. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981.
5. *Кафаров Т.Э.* Принципы этики ислама: нравственный ориентир для мусульманина // Исламоведение. – 2010. – № 2.
6. *Кузбеков Ф.Т.* История культуры башкир. – Уфа: Китап, 1997.

7. Маматов М.А. Об инновационных подходах к духовному воспитанию гармонично развитой личности // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. – Уфа, 2011.

8. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006.

9. Турков А. Свет совести // http://text.tr200.biz/knigi_publicistika/?kniga

10. Хусаинов Г.Б. Весь мир. Миниатюры. – Уфа: Китап, 2000.

11. Шарипова З.Я. Литературоведение и современность. – Уфа: Китап, 2001.

12. Юнусова А.Б. Ислам // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1997.

Поступила в редакцию 20 января 2013 г.